

Семен Васюков

В степях Северного Кавказа

Семен Иванович Васюков

В степях Северного Кавказа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19293941

Аннотация

«В 1902 году, летом, проживая в Геленджике, я был свидетелем продажи за невероятно дешевую цену, хороших лошадей в упряжи и с крепкими повозками. Продавали зажиточные люди, по всем признакам – крестьяне.

Спустя некоторое время, я узнал, что это были баптисты ставропольской губернии, выселяемые бывшим губернатором Никифораки с арендованных ими в течение пятнадцати лет земель, принадлежащих трухменским кочевым народам, где в степях они первые завели зерновую культуру, вырыв для такой цели колодцы глубиной от тридцати до сорока сажен...»

Содержание

I	8
II	18
III	28
IV	43
V	58
VI	72

Семен Васюков

В степях

Северного Кавказа

В 1902 году, летом, проживая в Геленджике, я был свидетелем продажи за невероятно дешевую цену, хороших лошадей в упряжи и с крепкими повозками. Продавали зажиточные люди, по всем признакам – крестьяне.

Спустя некоторое время, я узнал, что это были баптисты ставропольской губернии, выселяемые бывшим губернатором Никифораки с арендованных ими в течение пятнадцати лет земель, принадлежащих трухменским кочевым народам, где в степях они первые завели зерновую культуру, вырыв для такой цели колодцы глубиною от тридцати до сорока сажен.

Нетрудно было познакомиться с баптистами, в положении которых я принял живое участие. Я узнал, что этот трудовой, культурный народ (надо прибавить, что на Кавказе вообще в таком элементе нужда огромная), положивший столько осмысленной работы и терпения там, где до них было примитивное кочевое хозяйство, должен, в силу административно-бюрократических соображений, переселяться – кто в Америку, а кто в Туркестанский край.

Я спрашивал и недоумевал.

– По распоряжению губернатора, – говорили они, – наши колодцы запечатаны и скотине пропадать надо – мы и продаем за цену, которую дают... Что же нам давать!!..

Спокойный тон, в выражении лица ни злобы, ни отчаяния, только тихая грусть сосредоточенно таится в их умных глазах.

Какая сила и вместе с тем покорность судьбе!

– Неужели правда все, что вы говорите? – спрашивал я.

– Правда, господин, истинная правда! – отвечали баптисты.

– Сколько же ваших семейств находится в таком положении?

– Около ста-тридцати!..

Я смотрел на этих, хотя и грустных, но сильных и энергичных людей и не мог не подумать: – да, Америка приобретет устойчивый, производительный элемент, увеличит свою силу и мощь такими гражданами-богатырями!

Я написал о факте подобного выселения, и редактор «С.-Петербургских Ведомостей» поместил мою небольшую заметку, которая была перепечатана некоторыми газетами, в том числе даже и «Гражданином». Все газеты, без исключения, по поводу никому ненужного разорения трудовых, совершенно мирных людей, выразили недоумение.

С целью несколько утешить людей в их положении, я вырезал газетные заметки и послал сектантам.

А через неделю после того ко мне приехали представители

баптистского общества с просьбою хлопотать о них в Петербурге, чтобы им остаться и работать в степях ставропольской губернии. Обращаясь ко мне, несчастные хватались за соломинку.

Я отказался от такого сложного дела, во-первых, по неопытности, а во-вторых, по своему положению.

– Мы вам выдадим доверенности, – продолжали просить меня сектанты.

Я подумал, а затем по-русски, «на авось», взял на себя эти хлопоты.

Три года ходил я по министерствам, подавая «бумаги», лично просил министров («земледелия» и «внутренних дел»). Дело – то подвигалось, то останавливалось, но сектантов не гнали, колодцев не запечатывали, хотя они находились в крайне неопределенном положении годовых субарендаторов Северо-Мажарской дачи уч. № 11; они жили всегда накануне: всегда готовые к выселению. В своих просьбах я указывал на своих доверителей, как на элемент культурный, совершенно могущий, как и немцы-менониты, оживить мертвую степь – садами и виноградниками, – элемент, в котором именно нуждается Кавказ, эта пустынная, дикая и некультурная страна. Я действовал по своему разумению, так как знал Кавказ, знал, как нуждается этот богатый край в труде разумном, хотя тяжелом и упорном, а на это способны были баптисты безусловно. Они же были скромны в своих просьбах: они хотели, чтобы им трухменские земли отда-

вались непосредственно в аренду с торгов, а не поступали от православного общества, как субарендаторам.

Каждый, конечно, понимает, в чем дело.

– По нашему учению – говорили мне баптисты – мы ничем, кроме земледельческого, ремесленного труда, заниматься не можем; мы не можем торговать, а земледелие – промысел самый нам близкий и с детства самый знакомый.

Мои хлопоты в Петербурге, как и переписка с баптистами продолжались. Считаю нужным здесь добавить, что делу сектантов много способствовали бывший министр земледелия, А. С. Ермолов, и вице-директор департамента государственных имуществ, А. П. Забелло, по поручению министра произведший исследование на месте положения как моих доверителей, баптистов, так и других безземельных поселенцев ставропольской губернии.

– Отчего вы не поедете в такой интересный край? – спрашивал меня А. П. Забелло. – Не будете жалеть, уверяю вас!..

И вот, воспользовавшись приглашением баптистского общества, которое письменно предложило мне приехать в ним на хутора, откуда они повезут меня по интересным местам степной губернии, – я решил, в первых числах июня 1905 г., ехать в степи. Предложение, действительно, было заманчивое.

Настоящие очерки, может быть беглые, являются результатом моих впечатлений по местам.

I

Степь. – Хлебные залежи. – Город Георгиевск. – Мост через Куму. – Большая дорога внутрь степей ставропольской губернии.

До станции Минеральные-Воды, до исторических в литературном отношении пятиглавого Бештау и красавицы Машука, идут вольные, беспредельные, как море, степи. Быстро мчится по ровной плоскости поезд, в растворенные окна вагонов несется аромат бесчисленных, пестреющих на зеленом фоне, трав, цветов, и спокойной волной колеблется, уходя вдаль, поверхность густой пшеницы. Черноземная сила степи охватывает людей даже в вагонах, куда врывается такой густой, здоровый воздух, что живит усталых, анемичных людей, едущих на курорты, не говоря о тех, кто тут, бодрый и смелый, живет и производит такое хлебное богатство.

Действительно, на станциях загорелые, сухие лица местных степняков говорят за себя в смысле выносливости и силы.

Вольные степи, что вы перевидели, пережили!..

Неслись по-вашему ковылю дикие полчища татар, мелькали, как легкие тени, соседние горцы-черкесы, таились в широком раздолье беглые из России, пока, наконец, трудовая рука русского пахаря широкими лентами не перерезала вольных степей целыми тысячами десятин пшеницы, жита,

ячменя. Качаются, шумят колосья, играя с ласковым ветром, золотясь на южном солнце и наливаясь на просторе крупным, сильным зерном разнородного хлеба и льна.

Да, степи северного Кавказа, еще не использованные, составляют житницу России и по своей силе и производительности вполне могут спорить с кубанскими, тоже богатейшими степями.

За Минеральными-Водами, станция Незлобная была целью моего путешествия по железной дороге. Там меня ждали и встретили.

Было поздно; решено было переночевать на постоялом дворе, где имелись приличные, чистые комнаты, содержимые сектантом. Вечер, впрочем, не пропал даром. Я не думал, что мне так скоро придется познакомиться с хлебным богатством ставропольской губернии.

На небольшой станции Незлобная мы увидели целые горы прошлогоднего, не вывезенного еще зерна. Боже!.. сколько хлеба! Хотя бы раз, одним глазом, взглянуть на такое богатство нашему центральной полосы земледельцу. Я насчитал пять сараев по 200 сажень длины и сажень 20 ширины, сплошь заваленных мешками с зерном; кроме этих сараев, идут бараки с зерном, мукой и шерстью. К баракам во время дождей подступает вода, не говоря о том, что хлеб мокнет от дождей, ибо многие мешки ничем не прикрыты.

Вот по истине богатство, грандиозное и обыкновенное, о сохранении которого не особенно заботятся. – Сколько тут

пудов?

– Миллионы, – отвечали мне. И везут, еще везут, а складывать негде!

– Что же не отправляют? Ведь часть хлеба несомненно сгниет?

– Вагонов нет. Не знаем, что будут делать, когда новое зерно двинется, – отвечали мне.

А мы говорим о бедности России, о неурожаях, когда ставропольские и кубанские степи могут прокормить чуть не всю Россию, да еще с остатком!..

Когда подавали лошадей, я бросил взгляд на маленькую станцию Незлобную. Хлебных сараев не было видно, они прятались в низине (не правда ли умно?), а вокруг станции – множество всевозможного ранга построек, среди которых немалое число трактиров и других веселых заведений.

– Что это – станица?

– Нет, станица четыре версты от станции, а это так – трактиры, постоянные дворы, хаты!..

– Людей, живущих «при хлебе»?

– Да, именно таких людей....

Наш путь был в городе Георгиевску, расположенному от станции в пяти верстах; дорога ровная, широкая, как вообще степные дороги. В самом деле степь на все положила свой широкий, вольный отпечаток: широка дорога и широки улицы в селениях, просторны дворы и не тесно в помещениях, – на всем отражается характер степной шири и простора,

нет смысла жаться, суживаться, когда сливается с горизонтом далекая, многоземельная степь!

Георгиевск, Терской области, – город сравнительно небольшой, но довольно аккуратный, словно построенный по предварительному плану. Прямые, широкие улицы, обсаженные около тротуаров белыми акациями; небольшие, все одноэтажные домики в садочках, большею частью покрашенные светло-голубой краской, производят радостное, веселое впечатление, особенно в солнечный день. На огромной по пространству базарной площади – красивое, в готическом стиле, здание городской думы и полиции. Улицы немощеные, и грязь после дождей невылазная. Город живет зерном, и почти каждый обыватель Георгиевска прикосновенен к урожаю.

Впрочем, специальная промышленность производства всякого рода повозок и экипажей процветает в городе, где на каждой улице раздается стук молотка о железо и высится в воротах вывеска с указанием фирмы заведения, или же, что проще, выставлен готовый экипаж прямо на улице, близ самых ворот мастерской. Есть в городе хорошие магазины. Вообще, Георгиевск производит впечатление центра жителей с достатком. Покосившихся, жалких хат, непременною принадлежность наших великорусских уездных городов, мы не видели в степном городе.

Выехали на дорогу. Вдали виднеется казачья станица Подгорная.

– Через версты три будет мост через Куму, – рассказывал сектант: – этот мост дает огромные доходы казакам Подгорной... Можно сказать – золотой мост!

– Берут за проезд через него? – спросил я.

– Да. По три копейки с подводы... Немного, а вы подумайте, сколько в сутки протянется подвод, – ведь сотни, а то и тысячи... все на Незлобную да в Георгиевск... Посмотрите!..

Действительно, впереди, сзади нас с грузом и порожня тащились повозки, и все – через казачий мост!

Скоро и мы подъехали к интересному мосту.

Небольшая река Кума, сажень пять ширины, и через нее висит «живой», деревянный, на легких подпорках мост.

– Однако!.. – заметил я.

– Посмотрите, – продолжал мой спутник, – берега перекопаны канавами, чтобы вброд не проехать...

– Да ведь это разбойничья засада какая-то! – возмутился я. – по какому праву люди обложены такой данью на большой дороге? Кроме того, мост безусловно опасный, по-видимому гнилой, – он так трясся при нашем проезде! И квитанции не выдают, никакого контроля!!

– Лет двадцать-пять я знаю его, – все такой же. А сколько денег перебрали! – можно бы из золота чистого построить мост! Что говорить, казаки! – с ними ничего не поделаешь!! Смотрите, трешники не успевают собирать!.. на одни сутки стоимость такого моста оправдается!..

Среди трудового земледельческого люда северного Кавказа о казаках сложилось нелестное мнение, как о лодырях, вся мысль которых направлена, как бы прожить и прожить «добре», не утруждая своих рук работой.

И действительно, живут, хотя не робят! Земли сдают в аренду, а если эксплуатируют сами, то нанимают работников... Они – маленькие помещики, пережиток старинного времени, предания Запорожской Сечи, но только предания! Старая слава их, как рыцарей, сошла на полицейские обязанности, которые несомненно служат для них подспорьем... Прежде всего, казак к труду, к трудовому человеку относится с презрением, как и ко всякого рода новшествам в хозяйстве. Когда немцы, сектанты и даже православные поселяне обзавелись сенокосилками, веялками, молотилками, жатвенными машинами, казак, твердый в рутине, продолжает эксплуатировать степь непосредственно руками.

Ясное дело, что такой мост для казаков – находка. Недалеко от реки – несколько десятин жалкого кустарника, тоже принадлежащего казацкой станице. Попробуйте остановиться и дать лошадям отдохнуть, пустите их в кусты, где нет и травинки – пожалуйста тогда денежки! Кустарник казацкий даром топтать лошадям заказано!

Мы ехали вперед, поминутно сворачивая. Навстречу тянулись по широкой дороге повозки на волах, на верблюдах и запряженные лошадьми. Везли зерно, муку, шерсть и рыбу с берегов Каспийского моря; все это – казацкие данники!

И нет им конца среди необозримой степи! На каждой повозке поперек лежат деревянные ясли.

– Для чего? – спрашиваю.

– Для корма в дороге... Мешают мякину с мукой и поливают водой, – корм добрый: тогда скотина может долго терпеть жажду, что в безводной степи очень важно!

– Приспособляются крестьяне?

– Ко всему приспособляются, без этого нельзя!.. Кому же и приспособляться, как не рабочему народу?! Вот, например, машины немецкая... разве по первоначально они так были устроены?! Совсем нет. Помню первые косилки, которые привезли в нам в степь... Что такое? Косят ладно, добре косят, да только плотную, высокую траву, а мелочь оставалась; а мелочь эта – самая кормовая для скотины. Ну, мужики и задумались, и немцам заказали, как надо приспособить машину, чтобы на чистоту скашивать... Немцы, конечно, народ хитрый, поняли указания мужицкия, да так и сделали, – теперь косилки пошли в ход и поклепа на них никакого, работают словно косцы средственные...

– Где покупаете машины?

– В Ростове больше, заграничных фирм!.. Русского производства ведь нет... Сначала были машины немецкие, а теперь пошли американские... Чисто работают, и хлеб чистый...

Теперь мы ехали по плодородной ставропольской губернии. Вскоре, верст через пять после «знаменитого» преда-

тельского моста, кончилась Терская область и, следовательно, владычество казаков. Пошли порядки другие – крестьянские, купецкие, вернее – маклацкие.

Далекая от центров, живущая на воле, сама по себе, странно складывалась в своих отношениях, торговых и экономических, эта богатая, но странная губерния.

Заселение губернии совершалось неправильно; правительство не знало, какую жемчужину имеет оно в своем владении; местная администрация, может быть, и имела некоторое о том понятие, но политично умалчивало; кроме того, ее и не спрашивали. Беглые из России, сектанты – вот первые элементы, заселившие черноземные степи. Энергичный, смелый кулак явился первым пионером и хозяином вольных степей. Последнему, разумеется, покровительствовала местная администрация, а на беглых и сектантов смотрела сквозь пальцы, ибо они, составляя рабочую силу, нужны были капиталисту, производившему на целине широкия распашки, разводившему овец и крупную скотину.

Мы знаем из описаний покойного Данилевского, какой безумный произвол царствовал в далекой, почти неизвестной губернии, которая при всем том еще подвергалась нашествию горцев из-за Терека и в которой кочевали тогда не такие, как теперь, смирные трухменские и караногайские орды. Вблизи губернии не проходила железная дорога и пути из степей были дальние, на Ростов да к Каспию. Одним словом, вольная степь жила своеобразною вольною жизнью;

энергичные люди, надеясь на свои собственные силы, культивировали – девственную природу степного края.

Еще и в настоящее время сохранились обычаи и отношения странные, до сих пор характеризующие власть и силу кулака.

Например, при покупке скупщиком у крестьян хлеба, последний принимается пудами, которые по весу должны быть не 40, а 41 фунт. Ведется это исстари, и такой вес практикуется не на одном только зерне, а и при покупке другого сырого товара.

– Почему же так? – спрашиваю а. – Ведь это, наконец, несправедливо! Подумайте, при покупке десятков, сотен тысяч пудов, сколько купец получит дарового хлеба! Да, наконец, такая купля и продажа, в виду эксплуататорской односторонности, недопустима нашим законом, соблюдающим правильность меры и весов!..

– У нас свои законы, – усмехнулся мой спутник. – А что касается того, почему такой порядок и откуда он взялся, я думаю так: в степях хлеба всегда было вволю, но обмолачивался он не так чисто, как теперь, – не было машин, веялок. Ну, купцы пуд на 40 пудов и накидывали в виду плохой обработки зерна... Накидывали, да и вводили в обычаи при всякой торговле... Теперь хлеб чистый, зерно отборное, да и обычай купецкий крепкий; купцы у нас богатые, люди сильные, – с ними трудно сладить!..

Найдите подобное где-нибудь в России, там, где хлебные

губернии. Нет, такой богатой природной житницы не найти, и русский человек еще не понимает производительной силы степей и вольного богатства ставропольской губернии, которая не исследована и не организована в земельно-экономическом отношении. Это – край будущего, сильный и хлебный край!

Скопились на дороге подводы. Кучка людей о чем-то гурторит, смеется. У молодого парня – грустное лицо.

– Сколько пудов проворонил-то? Ишь, восемь!.. Вот дома-то достанется... В такую жару дочиста шерсть повысохла... А ты, парень, не спешил бы сдавать, а на ночь у речки переночевал бы – тогда восемь-то пудов в кармане были... Молод еще, рано пустили сдавать шерсть... Дома посидел бы, милый!..

– Это действительно так, – прибавил мой спутник, когда мы проехали обоз: – опытные люди всегда с шерстью у речки ночуют перед сдачей: несколько пудов наверное прибудет... И купцы это знают, и не спорят, товар принимают...

– И все-таки пуд в 41 фунт?

– Конечно, своего не упустят...

Мы въезжали в широкую улицу большего селенья...

II

Характер степных селений. – Постоялый двор. – Федоровка и Воронцовка. – Власть хлеба-зерна. – Порядки бюрократические и патриархальные. – Семейный раздел.

Селение Карамык, среднее по размеру, организовалось и выросло под влиянием степи. Не говоря о широкой улице, служащей продолжением вольной степной дороги, дома в селении отстоят друг от друга в весьма солидном расстоянии по причине огромных и содержащихся в относительной чистоте дворов. Жилища тоже просторные, а комнаты характерные, хотя бы эта кухня, куда мы вошли, поставив в тень лошадей и задав им корм. Кухня и столовая вместе – длинная, но не узкая комната, светлая, с чистыми окнами в одну сторону. Печь и плита содержатся аккуратно. Хозяйки, две сильные бабы, чисто одетые, только-что вынули свежес выпеченный хлеб, замечательно вкусный и аппетитный на вид. Надо отдать справедливость ставропольской губернии: нигде по станциям, даже и Кубанской области, и селениям, мне не приходилось есть такого вкусного пшеничного хлеба, как здесь. Действительно, хлеб, так хлеб!

- Сколько стоит пуд такой муки? – спросил я у хозяйки.
- Восемьдесят копеек. А что, добрый хлеб?..
- Да, хороший хлеб.
- До вас солдаты из Георгиевска были, тоже хвалили

хлеб... Скажите, пожалуйста, зачем от начальства им запрет не кушать пшеничного, а печь хлеба из житной муки?.. Такая мука у нас дороже и хуже, а накося – запрет: по закону, говорят, не полагается!.. Мы вот жита не сеем... Зачем?.. когда пшеница добре родит!.. Житной муки у нас трудно найти, а солдатам, вишь, надуть... Чудно, право! – говорила простодушно женщина, вынимая из печи жареную картошку.

Я молчал и думал: в самом деле, почему в царстве пшеницы не есть солдатам такого чудного и дешевого хлеба, а непременно потреблять ржаной? Дисциплина что-ли от этого страдает? Да, бюрократия не связана с жизнью даже в вопросах выгодного питания... Скажите, пожалуйста, как можно солдату есть такой великолепный хлеб!.. да он избалуется окончательно!.. Грустно все это. Недорого мы заплатили за чай, яйца, хлеб и молоко, все продукт свежий, прекрасный...

– По сколько десятин наделены здесь крестьяне?

– Которые по пятнадцати десятин на двор, но имеются и такие старые поселенцы из православных, что получили по тридцати десятин.

– Ого!.. Жить можно!..

– Еще бы! – добавил мой спутник. – Да и какая земля!..

Вперед!

Мы снова – в ровной, гладкой, как скатерть, степи; только там, где постепенно огибает равнину река Кума, на правом её берегу высятся горы, а на противоположном низменном

растет лес.

Кума – степная река, и на всем её протяжении построены селения, самые первые в степной, безводной губернии, но и самые богатые и населенные.

Вдали показалась церковь, около неё – лес.

– Это Федоровка, а рядом, через реку – Воронцовка! – сказал путник.

Первое огромное торговое селение официально значится Ново-Григорьевка, а второе, еще более богатое – Воронцово-Александровка. Но народ не признает этих «бумажных» названий и по старинному зовет их попросту Федоровкой и Воронцовкой. Если спросить местного жителя: как мне проехать в Ново-Григорьевку? – то вы можете весьма вероятно подучить отрицательный ответ: «не знаю», а Федоровку всякий покажет, не задумываясь.

Не понимаю, зачем не сохраняют народные названия селений, а придумывают там, в канцеляриях, на досуге, новые и даже сложные. Вот по истине мало дела чиновникам!..

Река Кума разделяет, как я говорил, эти два селения, имеющие свои приходы и управления. Церковь и большое каменное здание семинарии обращают на себя внимание в Федоровке, которая расположилась чрезвычайно правильно: таких невероятно широких улиц я и не видывал. Напротив, Воронцовка сгруппировалась; одна только базарная площадь напоминает степное приволье. Прекрасные двухэтажные дома с балконами и бельведерами – принадлеж-

ность местных богачей-хлеботорговцев. Селение Воронцовка напоминает скорее уездный город, но город богатый и живой.

На базарной площади лесные склады, материал которых доставляется черкесами-горцами. От площади идут торговые ряды, по правде сказать, тесные, но чего, чего только нет в лавках и больших магазинах, в которых работают не меньше полудюжины приказчиков. В базарные дни толчея здесь порядочная. Все можно купить в этом степном селении, до предметов роскоши включительно.

Расположены магазины, сплошь заваленные товарами, по меньшей мере странно: вот аптекарский магазин рядом с торговлей нефтью. Склад сосновых досок, с приятным запахом смолы, помещается рядом с магазином готового платья под фирмою «Шик» из Ростова. Подле – другой такой же, первому конкурент. Железо, мочала, всякий строительный материал, азиатские изделия, тут же и огородные производства, местное прасковьевское вино, двадцать копеек бутылка, и лимонад, смешанный с уксусом фирмы Чурилина из Ростова, женские шляпы и перчатки – все можно найти в селении Воронцовка, главный покупатель которого – местный крестьянин-хлебопашец.

– Сколько, приблизительно, жителей в Воронцовке? – спросил я у местного старожила.

– 18 000 человек.

– Неужели?

– Может быть, теперь и больше! – прибавил гордый «воронцовец».

Происхождение этого огромного села относится ко времени крепостного права. Первые поселенцы были ссыльные крестьяне воронежской губернии, впоследствии купившие землю у князя Воронцова, почему и название села Воронцовка. Распорядок землевладения общинный, как и в Федоровке, надел на душу выражается в семи десятинах; в Воронцовке, кроме обыкновенной двух-классной школы, имеется ремесленное училище, церковно-приходская школа и даже бульвар.

Любопытна история насаждения и устройства последнего: бульвар – дело рук пьяных обывателей. По постановлению волостного схода было решено, что те крестьяне, которые попадались в безобразно-пьяном и буйном состоянии, арестованные предварительно для вытрезвления, назначались в наказание на общественные работы по устройству бульвара; таким образом, в короткое время и за очень недорогую цену в Воронцовке вырос тенистый бульвар со скамеечками, – бульвар, положим, узкий, но все-таки украшение селения.

Не мешало бы вообще общественным учреждениям «намотать себе на ус» эксплуатацию пьяных, от которых получается и польза, и здоровье, вполне гигиеничное вытрезвление и отсутствие срама, ибо что может быть благороднее труда, притом преследующего общественные цели?

Имеется в богатом селении и общественное собрание, которое находится, в сожалению, в руках далеко не общественного лица – земского начальника, авторитет которого не совсем подходит для такого вольного занятия.

Под вечер мы отправились в летнее помещение клуба. Прошли через какой-то кустарник, шагнули через лужи – и перед нами открылось барачное помещение маленького буфета и наскоро построенная сцена, на которой гимназисты под режиссерством земского начальника репетировали какой-то водевиль.

Кругом этих печальных построек сыро и неприветливо, темно даже... Стоят «живые» столики, один из которых мы заняли, потребовав бутылку вина. Цены буфетные, что называется, выше средних. Пришел земский начальник и внял с нас по двадцати-пяти копеек за удовольствие провести время в соседстве с небольшой, но нельзя сказать, чтобы приятной лужей; кстати укажу еще на одно распоряжение местного бюрократа.

Почти целый день я был свидетелем, как мучились крестьяне, въезжавшие со стороны Федоровки на базар. После моста через Куму до базара построено шоссе, а внизу этого шоссе – никогда не просыхающая на низине грязь. Вот по этой-то грязище, надрываясь, один на другом тянут бедные лошади нагруженные повозки. Тянут, тянут и, выбившись из сил, останавливаются. Что делать? Сбегается народ, начинаются крики: «ух... но!.. уу!...» – и, наконец,

воз выдвигается из грязищи.

А наверху, блестя на солнце, словно смеется над этойкой потехой, новенькое и чистенькое шоссе, замкнутое с обеих сторон солидными перекладинами, чтобы «не пущать».

– Для какой надобности в самом деле это шоссе? – спросил я в изумлении.

– Для губернатора, когда приезжает!.. – отвечали мне.

Довольно патриархально!

Впрочем, оригинальная патриархальность характеризует это богатое село. На чем же зиждется богатство? Исключительно на пшеничном зерне.

Когда-то необозримые и сильные степи занимали своими кочевьями калмыки, а русские распахивали да распахивали по соглашению с кочевниками, собирали богатейшие урожаи и ссыпали хлеб в житницы. Тогда железной дороги не было, не было этих многочисленных комиссионеров и разных коммерсантов, а попросту были богатые мужики, у которых зерна насчитывалось у одного 20 000, а у другого 25 000 пудов, что хозяева хранили и передавали детям по наследству. Теперь, конечно, переменились времена; но старинная рутина все-таки осталась, и настоящие воронцовские богатеи, те самые, которые нам попадались навстречу на великолепных рысаках, в шарабанах, обложенных пуховыми подушками, непременно в ситцевых наволочках, гордятся запасами хлеба, перешедшими им по наследству от дедов, завет которых понимают наследники так: «Что деньги? Это еще не бо-

гатство, деньги можно мигом прожить, а вот хлеб – дело другое. Сколько у тебя хлеба находится? Покажи-ка, мы поглядим, какой такой ты богатей есть?»

Авторитет зерна силен и крепок по сие время. В самом деле, вся жизнь степи, все её интересы в настоящем и будущем тесно сказаны с полновесным, золотым и блестящим зерном. Здесь, в этом краю, действительно громадное значение имеет урожай!.. Все живет и дышит этим волшебным словом. В этом краю, вместо обыкновенного приветствия при встрече, говорят: «А какой у вас урожай?!» Да, здесь все дышит хлебом! Сколько народа при этом хлебе состоит! Сколько паразитов кормятся вокруг благородного зерна!

Самое слово «хлеб» – почетное, первое слово! Уважение в хлебу громадное и почет ему великий...

Поэтому, человеку, имеющему свой постоянный, переходящий по наследству хлеб-зерно, – уважение и почет в народе и обществе. Такого человека голос на сходе имеет решающее значение, такому человеку – первое место в церкви, перед таким человеком серьезные богачи первые «ломают шапки». Боже сохрани, если такой человек обменяет свое зерновое богатство на деньги!.. Он сразу станет в разряд обыкновенных людей, и прощай прежний почет, которого уже не добиться «ослабевшему» человеку.

Таков характер степного селения, таков народ, у которого зерно составляет почти культ поклонения.

Семьи степняков – крепкие и телом, и духом, согласие

между членами большое и власть родительская патриархальная.

Расскажу про раздел сына с отцом-богатеем настоящим. Решил старик отделить сына, задумал отец дело большое, серьезное. Перво-наперво стал он строить дом, хозяйственный, по своему родительскому плану, которым все предусмотрено, предугадано. Не на смех такое дело, и мудреное, и фундаментальное.

Когда домина был воздвигнут, старик принялся ладить обстановку; все было обдуманно, все предусмотрено до мелочей, до самой ничтожной безделицы. После этого наступила очередь живого инвентаря: отделил старик лошадей, волов, воров и овец, всего сколько надо по настоящему, по хозяйскому. В закрома насыпал пшеницы, овса, ячменя, в подвалы – капусты, картошки.

Ну, все теперь готово. Дом – что полная чаша. Пожалуйте!

Наступил день выделения сына из отцовского дома и перехода его на свое собственное хозяйство. Старик заказал молебен и устроил в своем доме прощальный обед, на который были приглашены гости и духовенство. После обеда все двинулись в путь. Это было весьма торжественное шествие. Впереди – с образами и хоругвями духовенство, за которым шли отец с сыном, сопровождаемые многочисленным народом. расставанье было трогательное: плавал старик, рыдал сын, и народ, смотря на такую картину, тоже проливал слезы.

Не правда ли, стариной веет от такой наивной патриар-

хальности, которой тени не осталось в наших, недалеких от центров, великорусских губерниях?

«Странные нравы!» – думал я, гуляя по главной улице села Воронцовки, по её городским троттуарам, засаженным белыми акациями. Уютные, красивой постройки, с крылечками, домики щеголяли своим изяществом, а из их открытых окон неслись звуки пианино, и не казалось мне, что прогулку я совершаю в простой русской деревне, когда передо мной была культура и блестящий юг с его синим сводом неба. На повороте в какой-то переулок неожиданно открылась степь, где под самым горизонтом спускается почти багровый шар заходящего солнца. Было тихо, в воздухе не шелхлонуло.

III

Былое. – Прасковьевка. – Святой-Крест. – Необходимость и своевременность введения земства.

До цели моего путешествия оставалось более шестидесяти верст, но такое расстояние в степях считается близким и совершается в один перегон. В самом деле, дороги степные, ровные, и если не дождь, то нетрудные, лошади сильные, добрые, а экипажи удобные. Повозки здесь работаются на немецкий лад, преследующий правильность хода. Местный экипаж – «точанка» – это на рессорах четырехместный (считая и кучера) легкий фаэтон, но только без верха. Опять мы в пути. Опять – степь необозримая, далекая равнина! Вдали видны постройки селений, их белые хаты ярко блещут на солнце.

– Вот селение Маслово, по фамилии старого владельца. Давно это было, – рассказывал спутник, – при крепостном еще праве. Строгий был помещик, а крестьян-рабов – не мало, целых пятьсот душ. Ну, вольная ли степь виновата, или действительно довел до невозможности строгий барин, но в один несчастный день забастовали все крестьяне и работать на помещика отказались... Сейчас Маслово – по начальству: так, мол, и так – бунт! Ну, прислали на усмирение терских казаков, – недалеко ведь Терская область. А надо вам сказать, что у Маслово была собственная пушка,

на всякий, вероятно, случай. С казаками пожаловал губернатор, но не мог усмирить бунта. Не хотим, да не хотим работать на помещика. Хотели-было начать порку, да не даются, гуртом друг друга держатся, а в руках у всех здоровенные дрючки. Тогда придумали зарядить эту самую пушку и объявить бунтовщикам: если не смирятся, то будут в них стрелять... Тогда народ всей своей громадой двинулся к церкви, ища защиты у Бога. Но нет, строго в то время было начальство и никакого самого малого неповиновения мужикам не позволяло. Не помог и храм Божий, около которого пролилась христианская кровь... Раздался, значит, приказ: «стреляй!» – и пушка грянула, и народ, убитый и раненый, попадал на землю, а которые невредимые – в страхе разбежались, и бунт покончился. После этого, Маслова в Петербург вызвали, и он в дороге помер. Наследовал сын и скоро проиграл все имение в карты. Теперь земля принадлежит другому, К., и все-таки мужики и по сие время бедствуют, – уж, верно, такое несчастное это место!

Под влиянием такого небольшого, но мрачного эпизода мы долго молчали. Глядя вперед, в серую даль дороги, я думал: «В самом деле, сколько тяжких драм разыгрывалось когда-то в степях, на которых селили в наказание крепостных из России и куда стремились беглые из Новороссии. Подумайте, два такие близкие друг к другу элемента не мало давали из своей среды людей протеста, которых воспитывала степь и не в традициях крепостного права, а в условиях воль-

ной волюшки, которой пути не заказаны».

Последний элемент мало-помалу выдыхал из себя настоящих колонизаторов диких степей, тех хлеборобов, которые и теперь еще держат дедовские заветы и не ломают традиций вольного хлебного человека. Безусловно вдали от административной бюрократической политики, на просторе степей, среди диких инородцев, самостоятельно выростала и зрела народная мысль, и Россия со своим крепостным правом казалась вольным степнякам громадной тюрьмой без света и воздуха... К этому времени, к первому в умственной жизни народа, относится быстрое распространение сектантства в далеких степях северного Кавказа.

Мы ехали. Разговор не клеился...

Солнце жгло беспощадно. Хотя трудно лошадям в такой полуденный зной, но бежит ровно черкесская вороная пара. Клонит ко сну, хочется скорей доехать до остановки.

– Далеко ли еще?

– Верст пятнадцать, не больше... Вот Орловка показалась, а на этой деревней и Прасковьевка!.. Теперь скоро!..

В этом уголку Кума делает поворот-дугу, и целых три селения и город сгруппировались в одном месте при населении около сорока тысяч душ. Город носит название Святого-Креста; от Прасковьевки, в которой тринадцать тысяч душ населения, отделяется Кумой.

Проехали Орловку и показалась церковь и постройки Прасковьевки, те, которые расположены по возвышенности.

От речки ли, от приближения ли вечера, но потянуло прохладой, и мы почти незаметно доехали до огромной площадки на которой большое с трубой здание монопольного водочного завода сразу обращает на себя внимание. Мы остановились неподалеку от завода на постоялом, очень чистом дворе с уютными и просторными комнатами, содержимыми сектантом.

Нас ожидали некоторые новости.

– Сегодня у нас в Прасковьевке – рассказывал хозяин – был суд у земского и бунт...

– Какой бунт?! – удивился я, совсем позабыв о рассказе про беспорядки в патриархальной и хлебной губернии.

– Да дело такое вышло... На хуторе у баптистов поселился посторонний человек из православных и начал потихоньку торговать водкой, что старикам особенно не понравилось... Возникли между обществом и этим человеком несогласия, недовольство. А человек этот сошелся с бывшим стражником, которого на самоуправство, по жалобе баптистов, уволили от службы и который тоже стал торговать вином в соседнем селении. Вот эти два человека обмозговали дело, – целый, значит, процесс. Подал тот, поселившийся на хуторе, человек жалобу земскому начальнику о потраве в сентябре месяце прошлого года у него льна в поле и указал на шестьдесят домохозяев, с которых взыскивал восемьсот рублей. Земский всех и вызвал повестками за сорок верст расстояния судиться о потраве льна в сентябре месяце... Подумай-

те, разве в такое время может быть в поле лен?!.. Ну, по повесткам приехали на суд по такому невероятному делу. Стал судить земский начальник... «Ваше благородие, – говорят ему, – какой может быть лен в поле в сентябре?!.. подумайте!» А тот в ответ говорит: «Молчать!.. не мешайте мне. Буду судить вас каждого в отдельности!» Он, видите ли, сообразил, что иск в восемьсот рублей его разбирательству не подлежит, и значит – по отдельности... Ну, а баптисты не желали, и все, в один голос, требовали, чтобы судить вместе, так как скот общественный, и все общество желает быть в ответе, а не каждый в отдельности... Ну, вот и бунт!..

– Довольно странный! – прибавил я.

– Снял земский тогда цепь, – продолжал рассказчик, – и послал за полицией. Приехал исправник с полицейскими. Сектанты все на дворе, и земский начальник там, только без судейской цепи... Шум идет, пререкания, бунт этот самый... Стал исправник разбирать, в чем тут дело, а исправник у нас – хороший господин... Ну, сразу и понял, и спрашивает этого самого Смирнова: «Какой такой у тебя лен был в поле в сентябре?!» Тот и не знает, как ему быть, что отвечать, указывает на своего свидетеля, на бывшего стражника, который, увидав исправника, успел «сховаться»... «Знаешь что, – говорит исправник, – не с них, а с тебя надо взыскать за то, что ты людей даром за сорок верст таскаешь, от работы отвлекаешь!..» Тогда Смирнов просит уже дать ему десять рублей, он покончит миром. Конечно, не дали. Просил толь-

ко пять, потом – три рубля. Не дали ни копейки. Так и кончился этот бунт, и вот недавно все баптисты разъехались по домам... Часа за два бы, если бы приехали, всех застали!.. А исправник у нас человек справедливый, даром никого не обидит! – заключил хозяин постоянного двора, приглашая нас к столу закусить и выпить чаю.

Весь вечер я посвятил знакомству с известным и популярным по своему виноделию селением Прасковьевка. В самом деле, еще давно и в дальних отсюда местах я слышал от народа такие фразы: «Вот прасковьевское вино, то – доброе вино и недорогое!» Знают это вино не только в Терской и Кубанской области, но даже на Черноморском побережье. После я скажу о достоинстве прасковьевского вина вообще, хотя я уже попробовал мускатного. Ничего! и недорого, всего двадцать копеек бутылка.

Несколько странное впечатление производит Прасковьевское селение, не такое, во всяком случае, как Воронцовка. Не уступая последнему по обширности площади, занимаемой постройками и широкими улицами, Прасковьевка уступает в богатстве: здесь нет таких торговых рядов и нет затейных по архитектуре зданий, а к реке и переулкам преобладают бедные и даже жалкие хаты жителей-виноделов, особенно внизу, к речке, где находится культура винограда.

Население – православное, но среди них живет немало сектантов, к которым отношение местных жителей благоприятное, вследствие основательного знакомства с соседни-

ми хуторами баптистов.

Беседуя с местным жителем, по ремеслу шорником, я завел нарочно речь о баптистах по поводу бунта их у земского начальника.

– Народ работающий, тихий народ, – говорил он с убеждением: – нет у них ни пьянства, ни таких несогласий, как у нас, православных, – они сочувствуют человечеству.

– Как так сочувствуют?!.. – удивился я.

– Не деньги у них главное, не горы хлеба, не бочки полные вина, а сочувствие, значит, для жизни обретается, – говорил наивный человек, доказывая свою мысль фактическими данными. – В прошлом году вовремя уборки хлеба появилась у нас целая семья, да еще больная, по проходному свидетельству... Ну, что же? собрали гроши у православных... Как быть? как ехать дальше?! пешком не можно, надо подводу... Должен я тебе сказать, что муж и жена – люди образованные, двое детишек махоньких при них... Знамо дело, жалко людей при несчастьи!!.. Кто-то им посоветовал на хутора в баптистам... И что же? те дали ссыльному повозку, мешки и сказали: «ступай по хлеб»... Что вы думаете, – ведь набрал пудов семьдесят, продал здесь в лавке, да и поехали дальше... Ведь как люди благодарили-то!..

Из дальнейших расспросов у старожилов и справок у местной администрации я узнал, что население Прасковьевки, надельное с иногородними, доходит до почтенной цифры 13 500 душ, а земли в общинном владении праско-

вьевцев – 64 800 десятин, земли прекрасной, идущей частью широкой балкой до степных кочевых земель караногайцев.

Но главное основное занятие жителей – не хлебопашество, а виноделие. Прасковьевцы много надельной земли сдают в аренду. Кустарный промысел виноделия, действительно, имеет размеры солидные: средним числом, в год получается до 1 000 000 ведер, причем вино продается от 50 в. до 1 р. ведро; старые, выдержанные вина, конечно, дороже.

Виноделие в Прасковьевке существует давно. Мне показалось странным, почему в степном хлебном краю русскими заложены виноградники?.. Кто был инициатором такого диковинного дела среди хлеборобов? Но на такие вопросы ответа я не получал, и если бы не случай был мне встретиться с древними старожилами – так бы я и не узнал о первых степных виноделах. Это были духоборы, поселенные сначала сюда, а затем переведенные в Закавказье, те духоборы, которые в настоящее время переселились в Америку.

Не знаю, они ли стали садить виноград около самой реки Кумы, или уже это выдумка православных, но культура винограда в Прасковьевке, как и в Святом-Кресте, где вина производится 500 000 ведер, – в высшей степени странная, культура поливная, как капуста.

Я осматривал эти виноградники, лозы которых тянулись к небу, виноградники, по середине кустов которых вырыты канавки для поливки. Какие сорта этих удивительных виноградников – я не знаю, но вино из наливных лоз выходит

сладкое и весьма слабое, не превышающее в молодости 6° содержания спирта. По-видимому, такая сладость, доходящая до приторности, и нравится простому народу, если в тому же принять во внимание доступность вина по его стоимости – четыре, пять копеек одна бутылка.

Кроме того, при разливе Кумы, виноградники заливаются, как и вся низина; склоны к реке, как от Прасковьевки, так и от Святого-Креста, где виноградники, главным образом, принадлежащие армянам, находятся в таком же положении. Прибавлю к этому, что Святой-Крест – город, наполовину населенный армянами; этот город – сравнительно с селом Прасковьевкой – бедный, производящий не в пользу свою впечатление.

Теперь несколько слов о дороге между Прасковьевкой и Святым-Крестом, дороги не менее пяти верст, но, Боже, какой дороги!! Мне, которому в своей жизни пришлось исколесить по осеннему, дождливому времени проселочные пути православной России, лесных и болотистых её мест, мне пришлось удивиться тому, что било перед моими глазами во время переезда из Прасковьевки в Святой-Крест летом 5-го июня 1905 г., когда не было дождей...

Положительно, ужас, а не дорога, несмотря на то, что по сторонам вроде малых тополей возвышались виноградники. Две сильные лошади с великим трудом тащили нас троих в легкой точанке. Подумайте, что это – большая дорога, соединяющая два торговых населенных пункта, кро-

ме других селений, из которых приезжают с продуктами на базар в Прасковьевку и в Святой Крест. Да, дорога... Я скажу и совершенно искренно, что это не дорога, а преступление. Именно, преступление!.. Когда мы ехали, колыхаясь, как во время качки на море, когда мы завязали в густой толще грязи, когда мы переезжали дьявольскую дорогу из стороны в сторону, я думал и не понимал, как могут здесь проехать повозки с грузом, я думал, какая должна быть железная сила лошадей, могущая вытянуть из могучего черноземного клея несколько десятков пудов!?

Наконец, я понял, когда увидел первый труп лошади на дороге; спустя несколько сажен, встретился другой, по видимому еще свежий... О, Боже!

– Это что! – сказали спутники: – вот когда бывает базарный день, то павших лошадей можно считать дюжинами... Прямо сердце перевертывается смотреть тогда, что здесь творится!..

Вот она, матушка Россия! Вот оно, позорное русское равнодушие и – извините меня – глупость... На какие-нибудь 20–30 рублей крестьянин везет на ярмарку товара, рискуя лошадыю, которая стоит 50–60 рублей... Или русское «авось» играет здесь роль?.. Что же вы, господа земские начальники, смотрите? или занимаетесь вопросом о цветении льна зимой?!..

– Как же такую дорогу можно допускать? – спросил я местного исправника.

– Что же мне делать, когда земский начальник заявляет твердо и неуклонно, что дорога в его заведывании, и он знает, что делать!!

Святой-Крест производит худшее впечатление, нежели Прасковьевка. С первого взгляда ясно, что город – бедное село; это доказывают и постройки, и какое-то уныние, царящее по широким улицам города, и отсутствие каменных и приличных зданий, которые сплошь попадаются в Прасковьевке.

Между прочим, мне объяснили, что город Святой-Крест в прежнее время подвергался нападению горцев, которые вырезывали довольно основательно местных жителей. Вообще, более отдаленное прошлое Креста – еще мрачнее и печальнее. Когда-то, во время татарского владычества над Россией, здесь находилось становище татарского хана и здесь же мученической смертью погиб Михаил, князь тверской.

В самом деле, внизу, близ берегов р. Кумы, вся местность изрыта ямами и всевозможными колдобинами, в которых и по сие время жители находят много жженого кирпича, а также изредка плиты, даже мраморные, с татарскими надписями и украшениями.

– Откуда здесь появились армяне! – спросил я.

– Из Моздока больше... Там их черкесы очень не жалуют, а здесь им безопаснее!..

С края города начинались монастырские постройки; некоторые из них заново возводились, а другие, в том числе

и церковь, были далеко не новые.

Мы отправились в монастырь. Виноградник и небольшой фруктовый сад свидетельствовали о некоторой хозяйственности братии.

– У них, у монахов, в степи хутор при 1 200 десятинах хорошей земли... Хлеба в монастыре много... Живут богато!

Мы вошли во двор, где встретили очень любезного игумена, пригласившего нас в свое помещение; почтенный отец предложил мне попробовать монастырского вина. Очень оригинальное, но все-таки сладковатое винцо, нельзя сказать, чтобы слабое.

– Сколько у вас десятин виноградника?

– Две с половиной, – отвечал настоятель. – Да вот беда, не знаем, куда деваться с вином, все ищем сбыта. Вот в Москву бы хорошо отправлять...

Я пожелал успеха, прибавив, что жителей наших больших северных центров торговцы, решительно ничего не понимающие в виноградных винах, приучили к фальсификации, что крайне вредно отражается на производстве и особенно сбыте отечественных, действительно превосходных вин.

– Подделывают стало быть!.. А мы с настоящим виноградным соком сидим и не знаем, куда деть!..

– Еще как подделывают! – заключил я: – по статистике в Москву привозится вина, положим, столько-то миллионов ведер, а выпускается из Москвы втрое больше.

– Как же так?!..

– Виноградников в Москве нет, но воды нельзя сказать, чтобы было мало... Скажите, пожалуйста, отец игумен, этот храм построен в память Михаила Тверского?

– Нет, храм в честь Спаса Преображения, а обитель – во имя св. Воскресения... Но вот часовня, которую вы, кажется, видели, построена во имя Михаила, князя Тверского, замученного в Орде.

– Вот дороги у вас плохи, – сказал я, прощаясь.

– Что говорить, бедовые дороги, когда и не проехать...

– Что вы думаете о земстве?

– Дело доброе, надо что-нибудь делать!.. Дороги осенью и зимой – истинное мучение и для людей, и для скотины, особенно же для последней... Иной раз нужно в Прасковьевку, а не проедешь... никак... чистое несчастье!!!

Одним словом, дороги не могут соответствовать несомненному богатству ставропольской губернии; это – дороги не для края, который носит уже несомненные признаки культурности, а дороги для диких кочевников, да и то – с грехом пополам...

Земство – это единственное средство вывести губернию из того ужасного положения, в котором она находится не только по отношению к путям сообщения, но и по нуждам образования и врачебной помощи, принимая во внимание, что один участковый врач – на 65 000 человек, разбросанных на огромной площади.

Да, земство!.. Введение этого земства нельзя откладывать,

и нечего об этом спорить, – достаточно самого ярого противника самоуправления провезти по дороге из Прасковьевки в Святой-Крест, или обратно, и я уверен, что он тотчас согласится, когда воочию увидит этот истинный ужас.

– Земство – единственный выход из того положения, в котором при всем богатстве находится и земледелие, и скотоводство, и вообще хозяйство, которое не может развиваться при отсутствии сносных путей сообщения, – говорил исправник.

То же говорили и другие, указывая на солидные убытки от бездорожья и разлива Кумы:

– Мы не боимся земского обложения, мы достаточно богаты, чтобы содержать земство, которое при десятинном серьезном обложении даст нам огромную выгоду, если построит пути сообщения; мы не говорим о других нуждах края: дороги, это – первое, что нужно и купцу, и крестьянину, да и, наконец, всякому, до низшего администратора включительно. В земстве мы видим свое будущее, и это будущее улыбается нам доброй улыбкой. Мы уверены, что наше земство в своем распоряжении будет иметь такие средства, которым позавидуют другие земские губернии...

И еще много говорили мне местные люди по вопросу о необходимости скорейшего введения земства, которое, по их мнению, из многих вопросов должно решить старый вопрос о правах и культурном устройстве кочевых народов, хотя и немногочисленных в губернии, но тем не менее зани-

мающих огромные площади земель, вполне могущих идти под культуру. Одним словом, жизнь – лучший учитель и советчик, а если к этой жизни присмотреться в ставропольской губернии, то задачи её и их разрешение – безусловно земское местное самоуправление, причем довольно сказать в заключение, что такие задачи благородны и исполнение их не только возможно, но необходимо для благоденствия и совершенствования богатого и сильного природою края!

IV

У баптистов.

Из Святого-Креста, минуя ямы и колдобины, мы спустились снова к берегам Кумы, но уже с другой стороны. Мост, который мы проехали, представлял собою форменную насмешку над подобным сооружением. При переезде по такой прелести, наш экипаж затрясся особенною дрожью, причем под колесами послышалось жалобное всхлипывание. Но – вперед!.. с моста в мрачную лужу, затем в гору, и мы снова в степи. Слава Богу, Кума осталась за нами, вместе с её чувствительными мостами и дорогами, усеянными трупами животных.

Теперь мы ехали среди полей пшеницы, ячменя, кое-где виднелись небольшие баштаны арбузов и дынь.

– Далеко-ли до хутора баптистов?

– Верст сорок... впрочем и того не будет... Часа через три с половиной, наверное, приедем.

Чем дальше мы углублялись в степь, тем впечатление было безотраднее, – серый колорит принимал однообразный характер. На горизонте и по дороге, ни жилья, ни постройки. Хлеба совсем не такие, какие мы встречали раньше: на коротких и редких стеблях качались слабые колосья пшеницы, вид которых не радовал взора.

– Не особенный здесь урожай, – заметил я. – Почему?

Земля, верно, хуже...

– Нет, дождей в этой стороне не было. Весной было любо глядеть на всходы, а теперь одна жалость!.. Вот начинаются трухменские степи... Вот участок № 10, а за ним № 11, на котором наш хутор...

– Участки сдаются в аренду самими трухменами?..

– В том-то и дело, что нет... Участки сдаются с торгов, а то и без них, православным, которые по возвышенной цене, конечно, сдают их сектантам... Участок № 11 сдается баптистам Томузлукским обществом, сдается только на год, а затем, как случится... Тяжелое житье суб-арендаторам – это пытка какая-то... Подумайте, жить в постоянном страхе быть выгнанными с места, где столько годов хозяйствовали; какие затраты, постройки, колодцы...

Все это мой спутник-баптист говорил печальным голосом, как бы раздумывая и не понимая, о прошлом, трудном, даже тяжком времени.

– Ну, как-нибудь устроитесь...

– Не верится что-то... Сколько на Кавказе земель, – продолжал он, – земель, которыми владеют в истинном смысле разбойники, которым человека убить все равно, что мне в степи косой махнуть, – и живут, а нам нет ничего... за что же?!..

«Действительно, нет надежды и нет радости», – думал я, смотря в даль степи, которая мне казалась теперь еще сырее, еще безотраднее. Эх, матушка, вольная степь, степь корми-

лица, много тяжких вздохов, много дум пронеслось над твоей богатырской грудью, и не мало слез пролилось там, где теперь ветер качает те цветики синие, что к колосьям нагибаются, шепча будто мысли тайные... Размечи, развей, ветер буйный, вздохи степные и страдания, пронеся скорей тучу черную, грозовую и поставь солнце яркое, радостное, высоко на светлом небе!.. Пусть всем будет светло и радостно!

– Вот поднимемся в эту гору, и хутор будет виден... Немного осталось теперь...

Вечерело... Спадал томительный жар дня; сухой, даже жгучий ветер улегся, и по степи ложились едва заметные тени. Хотелось отдыха, покоя, и было – почему-то – грустно и так сиротливо на трухменской земле кочевых народов.

Поднялись – и внизу в небольшой балке на сером фоне степи показались серые из самана постройки хутора баптистов, известного под названием «Буйвола». Серо, нет зелени, ни садочков, только около одной хаты торчат два больших деревца. Что-то казенное, монотонное, представлял собою хутор.

– Отчего нет деревьев?.. Разве не растут в вашей степи?

– Как не растут?!.. – отвечал баптист: – превосходно принимаются даже фруктовые деревья... Вон, видите два дерева акаций, еще молодые, а рост добрый!.. Не растут, потому что не позволяет начальство... Хуторяне посадят, а начальство приедет и прикажет вырвать с корнями. Не знаю, как эти акации уцелели!.. Будь деревья фруктовые, наверное, были бы

уничтожены...

«Что же это такое?» – думал я. – «Варварство грубое, средневековое!?»

Дворов сто расположились кучно, хотя улицы широкие, дворы не особенно малые, но не такие, как в постоянных селениях, окружены невысокими загородами из соломы, редко из самана. Тем не менее все хозяйственно, аккуратно, а если принять во внимание, что все эти владения годовые, и субарендаторы всегда могут быть удалены с правом оставить все постройки и колодцы в пользу арендаторов, то при таких жестоких условиях хуторское хозяйство баптистов превосходно. Невольно напрашивается вопрос: если бы это была их собственная земля или в крайнем случае в долгосрочной аренде, то что бы здесь было?!.. Я уверен, что и впечатление было бы иное... Здесь, наверное, разрослись бы фруктовые сады, среди которых были бы не такие наспех построенные хаты, а целые домики, просторные, удобные, не куцые загороди окружали бы дворы, а настоящие, крепкие заборы... Да, на этом угрюмом сером месте расцвела бы жизнь, выросла бы богатейшая трудовая колония!.. Разве не добро бы то было, и для народа, и для государства?!..

Когда мы уже выехали на хутор, мое внимание обратила на себя большая постройка, похожая на сарай, сплошь покрытая брезентами.

– Это наше общественное собрание, – пояснил баптист. – Завтра соберется народ в день Святого Духа и вас пригла-

сят. Ну, вот и моя хата, – прибавил он, когда мы въезжали на чистый и просторный двор с порядочным базом для скота, окруженным довольно высокой стеной из соломы. Не прошло и пяти минут, как начал собираться народ: всем интересно было посмотреть на своего поверенного. Людей в маленькой комнате хаты было полно, стояли во дворе – такому многолюдству, конечно, помогал день праздничный.

Разговаривая, я присматривался к лицам, серьезным, вдумчивым. Это не была толпа русских крестьян, стадная, серая, всегда готовая выпить и закусить и даже просто выпить «за здоровье барина». Нет, здесь настроение совершенно иное: на каждом лице легла дума и затаенная, глубокая печаль... «Да», – думал я, – «ведь непрестанно людей гнали за веру, за то, чем они дорожили, может быть, больше жизни». Действительно, передо мной были люди верующие, а не суеверные («годится – молиться, не годится – бабам горшки покрывать» – православная наша пословица о «богомазах»), это можно было видеть по тому глубокому огню, который не то мрачно, не то грустно светился у некоторых. Это были сильные, статные, рабочие люди, как мне сразу показалось, с характером – и я не ошибся. Да, сильные, а иные прямо богатыри, и я вспомнил слова моего спутника баптиста: «у нас не может выдержать русский рабочий, несмотря на то, что харчи у нас хорошие: редкий может поспеть в работе за хозяином».

Обильное угощение следовало непрерывно. Баптисты

большие любители чая, за которым следуют разные блюда, главным образом, молочного характера: вареники, блинцы и проч. Сектанты едят и мясо, едят все, что дает труд и природа, не пропагандируя постов и особенного воздержания. Работай и кормись, но непременно при земле; всякая другая работа – второстепенная, а главное, далекая от природы и, следовательно, от постоянных размышлений о Боге и его величии.

Баптисты не признают семи таинств православия, у них всего два: крещение (водное) и причащение, причем крестят взрослых; маленьких детей, как не понимающих, не причащают. С такого рода важным явлениям, по их мнению, нужно относиться совершенно сознательно.

Венчать может каждый взрослый баптист, но обыкновенно благословляют на совместную жизнь их пресвитеры т.-е. выборные духовные отцы, которых они во всякое время могут сменить и заменить другими. В мое у них пребывание разобрался один из пунктов Высочайшего указа о веротерпимости, тот самый пункт, чтобы их священники утверждались правительством. Насколько я понял, баптисты не пойдут на это из боязни, что при таких обстоятельствах пострадает выборное начало. Может быть, они и правы. Несмотря на полную свободу в отношениях между молодыми людьми обоего пола, не наблюдается и тени разврата. В самом деле, полюбив девушку – женись, женись сегодня, завтра – запрета нет; попу платить не надо, всяких нелепых до смешного

обрядовых обычаев не полагается: во-первых они и дороги и времени много отнимают, а баптисту прежде всего нужно работать и кормить себя и семью. Правда, баптистики постоят за себя: таких здоровых и рослых женщин я не встречал в наших русских селениях, да и добрые, и не болтливые.

Пить вино, водку и проч. у баптистов не считается зазорным: пей сколько хочешь и можешь, но только не напивайся. Лиц, заподозренных в пьянстве по нескольку раз, отлучают от церкви, но не навсегда, – по исправлении, снова принимают в свое духовное общество.

Баптисты живут сравнительно ровно – имеются между ними люди с порядочными хозяйственными средствами, но бедняков, вроде наших безлошадных, бездомовых, нет, а если случилось с кем несчастье (падеж скота или что другое) помогут немедленно, толково и умно. Одним словом, их общество крепкое, сильное, действительно христианское по существу, а не по названию.

Я прожил на хуторе три дня, и для меня стало совершенно ясно, что все хуторяне-баптисты одна семья. Не разберешь, кто откуда, из какой хаты, где только-что был и закусывал, чьи лошади, на которых ездил на другой, маленький хутор. И всегда они – серьезные, выдержанные, сосредоточенные. Признаться, мне было хорошо и странно проводить время среди таких вдумчивых людей, или я действительно в первый раз видел трудовых и искренно верующих людей, не только знающих, но понимающих Евангелие, уче-

ние Христа, но и прилагающих эти высокие принципы к простой практической жизни. А как они привязаны к своим степям, к вольному труду – удивительно!

На другой день было собрание баптистов в том обширном временном помещении, о котором я упоминал. За нами прислали, должно быть, часов в восемь утра, когда уже все верующие собрались.

Сыпал мелкий дождь, и было серо и пасмурно, когда по улицам хутора мы спешили к молитвенному дому. Настроение было грустное. Гармонировала-ли с этим природа, или оттого, что казалось – весь этот уют, все эти постройки придет и рассеет по ветру Добрыня... Не подумайте читатель, что это богатырь Никитич; нет, просто Добрыня из «писарьков», пристав кочевых Туркменских народов, царек последних, от которого зависят баптисты, к которым почему-то не благоволят местные администраторы... Отчего? право, не знаю. Сектанты в работе организованы крепко, «политикой» не занимаются. И такой-то полезный, производительный народ совершенно не обеспечен!

Но войдем в собрание.

В большой пристройке, покрытой брезентами, народа не менее 500 человек; часть сидит честно друг с другом на скамьях, за которыми стоят люди. – Справа от входа – мужчины, слева – женщины. Прямо, у самой стены – стол, покрытый зеленым сукном, на столе, в переплетах, Евангелие, послания апостолов и псалмы. За столом сидели три

пресвитера, а над ними возвышался портрет Императора Николая II.

Пели стройным хором псалмы. Сильные голоса мужчин и женщин привычным темпом исполняли вполне музыкально свое дело. После я узнал, что у баптистов всегда имеется регент.

Каждый раз вставал пресвитер с книгой псалмов и толково, с ударением, прочитывал стих, который за ним в пении повторялся всеми баптистами.

Второй пресвитер прочитал из посланий апостола Павла со своими объяснениями. Наконец, третий с евангелием в руках с чувством прочел главу о мытаре и фарисее. Эта высокая страница из учения Христа произвела очевидное впечатление на присутствующих, которые слушали не только с благоговением, но всеми своими нервами воспринимали святыя слова: «Мытарь терпел, терпел, страдая, – звучал голос проповедника-пресвитера – но он был ближе к Христу и духом и плотью, нежели надменный, гордый фарисей!».. «Терпением и верой мы живем; пусть враги наши творят нам зло, мы не станем платить им такой же монетой, а будем страстно желать, чтобы они познали истинный дух Бога. Братья и сестры и все здесь присутствующие, этим я хочу сказать: мы боремся не материально, а духовно, и мы убеждены, что дух победит грубую силу!»

Эти слова были подходящи к положению баптистов. Сколько, действительно накопилось в них терпения от пре-

следования и неустройства их жизни. Терпеливая, неустанная работа на земле, с которой могут завтра согнать, запечатать колодцы и т. п.; – в течение десятков лет гонения и труд, труд без конца.

Поневоле вырабатываются характеры, но и нервы дают себе знать.

Когда голос проповедника возвышался и доходил до сердечного волнения, я заметил не только у женщин, но и у мужчин на глазах слезы, а некоторые просто плакали, что называется, во всю. Мне понравилось пение баптистов, впрочем, несколько однообразное, но в манере много простоты и искренности. Хор вполне выдержанный.

Очень торжественно звучал народный гимн, когда сотни голосов слились в «Боже, Царя Храни», который они пропели полностью, но лишь с одним изменением: вместо – «Царь Православный» – Царь Всероссийский.

После гимна наступила очередь детей. Выходили мальчики и девочки, прочитывали эпизоды из священного писания, декламировали стихи. Я нарочно говорю: «декламировали», потому что меня неподдельно изумила маленькая десятилетняя девочка с таким чувством, так прекрасно и просто сказавшая недурные стихи.

– Что это за стихи, которые говорила в собрании девочка? – спросил я моего хозяина-баптиста.

– А это мой брат Михей сочиняет... Вот она и выучила...

– Очень и очень хорошо!.. Однако какая нервная девочка!

точно артистка продекламировала...

– Эта девочка способная...

– А что у вас все грамотные?..

– Да, все пишут, читают...

– А школы специальной нет?..

– Нет, так учатся друг от друга, бывают временные учителя. Да разве нам позволят открыть свою школу?!..

– Удивительно, школы нет, а грамотные, и я вспомнил, что у нас в Архипоосиновке, черноморской губернии, две школы (министерская и церковная), а почти все безграмотные. Детей мало учится, – не отдают родители, вследствие домашних работ... Но разве работ у баптистов меньше?!..

Собрание продолжалось. Теперь рассказывали дети трогательную историю Иосифа, проданного в рабство своими братьями. Оригинально велся этот библейский рассказ: начал мальчик, после которого вышла девочка и продолжала, на чем тот остановился, затем другая, третья, – дети рассказали всю историю по частям, рассказали превосходно, совершенно сознательно, незаученно, а в некоторых, особенно патетических местах, искренно плакали, своей живой фантазией переносясь в далекия времена горя, отчаяния и радости семьи Иакова.

Не только с удовольствием, но с интересом слушал я свежие звонкие голоса детей, порой дрожащие от волнения, и вспоминал свои детские, безвозвратные годы. Каждый ма-

ленький рассказчик был по своему оригинален и, прибавлю, серьезен. Это не был казенный экзамен, и дети вносили свою интеллигентную, духовную лепту в собрание взрослых, что производило впечатление полной гармонии общего настроения.

Окончилось собрание словами проповедника о крепкой организации верующих, о дружной работе, братских отношениях и истинной вере, которая красит и возвышает человека.

По выходе из собрания я был приглашен на обед в одну из самых больших хат, где народу собралось достаточно, — люди все почтенные, пожилые, уважаемые. Перед трапезой, как и после её, кто-нибудь из присутствующих произносит молитву, которую, стоя, выслушивают остальные.

Деловые, хозяйственные разговоры, японская война, печальное внутреннее положение России, были предметами наших разговоров. Все баптисты выписывают и читают газеты, причем дешевое издание «Биржевых Ведомостей» преобладает, получают впрочем и другие органы печати. Во все мое пребывание среди сектантов, как стариков, так и молодых, я не был свидетелем не только какой-либо ссоры, но даже спора. В беседах преобладал характер эпический, причем рассказывалось не мало интересного, но исключительно из их жизни.

Вечером меня пригласила молодежь, которая устроила чисто-юношеское угощение. Была водка, в изобилии крас-

ное прасковьевское вино и скромная закуска. В молодежи я заметил некоторое скептическое отношение к обрядовым сторонам баптистского учения.

– Зачем все эти торжественные обряды?! Разве без них верить нельзя... Чем проще, тем лучше и искреннее!..

Молодежь страстно интересуется русской литературой. Сочиняют стихи, пишут прозой; стихи, впрочем, страдают отсутствием размера, хотя дышат искренностью и теплотой; проза односторонняя, пессимистического характера...

На другой день я осматривал колодцы. Это действительно целое сооружение, основа и фундамент степной культуры, для развития которой вода нужна в такой же степени, как и воздух. В глубине колодцев разница не большая – 36, 38 и до 40 сажен, диаметр около сажени, доставка воды, посредством ворота, лошадиной или воловьей силой. Около колодца огромная кадка и корыто для водопоя скота. Две пятиведерные бадьи медленно – одна погружается, другая тянет воду из колодца.

И так целый день; к такой работе приставлен обыкновенно наемный обществом человек. У колодца постоянно народ, а во вечерам целое собрание. В последнее время, во многих местах степи бурят артезианские колодцы. Но у баптистов, как на хуторе Буйвола, так и на других соседних, колодцы простые, вырытые ими самими и заметьте – на арендованных, лишь на годовых условиях, землях!

Посетил я и другие хутора, которых два. Первый, в 2-х

верстах, небольшой из 12-ти дворов поселок производит вполне хозяйственное впечатление; то же построение, такие же серьезные, вдумчивые люди. До второго хутора, Михайловского, 12 верст вольного степного пути. Калмыцкие лошади бешено мчали нашу легкую точанку. Хлебные поля смотрели значительно лучше, нежели там внизу, на большом хуторе. Травы были недурные; привычно работали сенокосилки.

Скоро и широко раскинулся хутор Михайловский, всего 25 дворов, но зато и дворы, обширные со множеством хозяйственных пристроек. Сколько скота, сколько птицы у некоторых хозяев, которые работают и смело живут на краткосрочной аренде.

Михайловцы – не субарендаторы, они арендуют непосредственно от собственников станицы Михайловской. Но разве это не все равно? Не захочет по каким-либо соображениям общество, и пожалуйста, берите свой скот, сельскохозяйственные машины и отправляйтесь... Куда? – неизвестно.

Обстановка и жилые помещения у Михайловских баптистов – лучшие, имеются деревянные полы; здесь почти все выписывают журналы, газеты.

Вообще жизнь и положение баптистов ставропольской губ. напомнили мне пословицу о пресловутом Николаевском солдате, которому «век служить, и не выслужиться, как чиститься и не вычиститься»... В самом деле: баптисты век строятся и не устроятся, век работают, приспособляются и...

начинай... сначала!..

V

В степях Караногайцев.

Опять нам пришлось проезжать селение Прасковьевское, которое после пребывания у баптистов, среди их небольших построек, аккуратности, чистоты и хозяйственности, произвело неприятное впечатление неустройства, грязи и скученности. И что за хаты, что за огорожи?!.. покосившиеся, с дырявой крышей, разбитыми стеклами окон, с оторванными ветром ставнями. Да, здесь Русью пахнет православной. На дворе разбитая бочка, исковерканная повозка, посередине навалена куча ее то навоза, не то сора, – что-то коричневое, вонючее...

– А богатые люди прасковьевцы! Сколько у них земель!.. Сколько виноградников!..

В самом деле, эти православные – собственники, а те – вечные странники! Отчего же первые дики и невежественны при благоприятных условиях, а вторые культурны при постоянно критических обстоятельствах?!..

Широкой балкой лежал наш путь к ногайцам. Сначала было жарко, и солнце палило по степному, но когда оно стало подвигаться к западу и на хлебные поля стали падать легкие тени, тогда хорошо было ехать вперед и вперед по мягкому, черноземному полю прасковьевских крестьян. В балке, которая тянется почти на сорок верст, чудный урожай и пше-

ницы, и ячменя, и льна... Под вечер дышалось особенно легко. Ароматный воздух так и врвался в легкие, которые навстречу ему ширились, захватывая сколько можно благодатной степной струи. Вперед и вперед!.. Ни, жилья, ни хаты!.. Потемнела плотная зелень хлебов, на темно-синем небе заблистали, замигали звезды.

Проехали верст тридцать – и ни души. Правда, при самом выезде из Прасковьевку два или три человека косили траву под горкой, а теперь мы едем по роскошной пустыне.

Наконец, кто-то едет навстречу, слышался шум, показались будто всадники.

Проехала арба, три ногайца верхами. Остановились, мы спросили их дорогу и опять двинулись той же ровной рысью. Свежий воздух навевал дремоту, но спать не хотелось, а хорошо бы, если б кто под тихую качку экипажа рассказывал бы о степях, о кочевых народах.

– Что это так пахнет хлебом? – спросил я.

– Когда ячмень созревает, от него всегда хлебный запах.

– А что эти трухмены, ногайцы, сеют что-нибудь и вообще занимаются хозяйством?

– Теперь стали заниматься, но все больше скотоводством...

– Хорошие они люди?..

– Ничего. Ногайцы лучше трухмен, – во-первых, они по-мышленее, а, во-вторых, не такие отчаянные трусы, как трухмены. Но в общем и те, и другие, народ вырождаю-

щийся.

– Не знаете, какие причины?

– Главным образом, раннее замужество. Я говорю относительно девушек, которые двенадцати лет уже выходят замуж за возмужалых и богатых мужчин. Какие же они жены и матери!.. Не могут вынести, болеют после родов и рано умирают. Вообще у них женского населения меньше, нежели мужского... Да и народ далеко не крепкий – вот сами увидите. Скоро граница, и на их земле будем.

– А ночевать где?

– Часа через два аул будет. Забыл только как он называется...

– Где мы остановимся?

– Во всяком случае, «армяшка» есть... постоянный двор содержит, торгует...

Действительно, ресторан армянина был освещен, но почему, не знаю, мы завернули к старшине.

Небольшой двор, в котором едва можно повернуться; две крохотные хаты, из которых одну занимал старшина, еще молодой человек в халате, с пришпиленным к нему знаком. Мы вошли в его маленькую комнату, оклеенную обоями. Стол, на котором стоял небольшой самовар, зеркало на стене, уродливая деревянная кровать, хотя оба супруга спали на полу – вот и вся обстановка жилища представителя администрации.

Добродушный старшина и молодая скуластая с черными

глазами жена предложили поставить самовар. Мы отказались.

Старшина, с гордостью посмотрев на обстановку своей квартиры, проговорил: «надо жить чисто, чище жить лучше».

Но, Боже, какая вонь в этой спальне-комнате. Мы поспешили удалиться, и я предпочел спать на дворе.

Аул Биаш состоит из ста дворов (хотя и кибиток); оседлый аул, имеет три мечети и одного «армяшку». В прошлом году аулу нарезаны наделы по три поля на двор, сенокос и выгон. Земель много. Мне понравился старшина. Его искренний тон, добродушные глаза возбуждали к нему симпатию. Он спросил, кто я и зачем приехал?.. «Ты брат наш?»

Меня это удивило и стало любопытно. Кого собственно считают караногайцы-магометане братьями? Я понял так, что тех из христиан, которые их не обманывают и не обижают.

– Вот они, – указывал татарин на баптистов, – братья... Он брат!

– А православные, – спросил я, – те, прасковьевские?

Старшина замялся.

– Нет, не брат, обижал нас, всегда обижал... Баптист такой, как наш... Наш в дороге коран поет, баптист от Христа поет, а православный... красна парня, красна девка! – быстро проговорил последнюю фразу караногаетца.

Действительно, в дороге далекой, однообразной и степной

петь надо, а то скучно, в особенности одному ехать!..

Чуть начало светать, на другой день мы уже тронулись в путь. Аул еще спал, и только одни женщины и доили, и выгоняли на пастьбу скот. Невеселое впечатление произвело это дикое, полукочевое население.

– А колодцы у них есть?

– Колодцы неглубокие – сажени две, но вода плохая. Во время холеры сколько их перемерло!..

Степь ранним утром хороша. Свежо, тихо и бодро себя чувствует человек, и легко, непринужденно бегут отдохнувшие лошади. Я не успел хорошенько разобраться в своих впечатлениях, как мы миновали уже двадцать верст, и вдали показались деревья и основательные постройки.

– Ставка Ачикулак!..

Скоро мы были на месте, остановились у «армяшки», человека достаточно веселого, у которого нашелся и чай, и баранина, и кочлярское вино.

Мне хотелось повидаться с приставом кочевых народов и поговорить с ним о характере и жизни караногайцев. Но это оказалось не так легко: скорей снизойдет до беседы с русским журналистом президент Соединенных Американских Штатов, нежели этот чиновник из писарей волостного правления! Мое свидание с этим господином так любопытно и назидательно, что я остановлюсь на нем подробнее.

В самом деле, пришлось проехать по степям сотни верст, попасть к диким народам и получить от представителя рус-

ской администрации прием, который не позволит себе сделать ни один татарин!

Было рано, часов семь, и армянин сказал, что пристав еще спит, но письмоводитель уже встал. Пойдем пока к письмоводителю, который, может быть, что-нибудь расскажет.

Скоро нашли его квартиру и слугу-ногайца. «Он еще не вставал, но я его разбужу, – самовар готов», – сказал последний.

Я дал ему визитную карточку и мы сели на бревнышко у ворот. Вышел толстый человек, прошел мимо нас через двор и снова вернулся в дом. Ждем. Но вот бежит камердинер, несет назад мою карточку и говорит: «идите к приставу!»

Что такое? Может быть, он принимает нас за просителей? Я написал на карточке, не может ли он уделить несколько минут для беседы? Опять слуга и опять обратно карточка, значит – принять не желает. Отправляемся не спеша к приставу. Проходим мимо калмыцкой кибитки, – один калмык чинит какую-то часть костюма, другой что-то варит.

Внутри кибитки стоит комод, на нем посуда, коробка с сахаром, а в другом углу кошмы, сундук и подушка. Ничего, довольно чистая и просторная комната. Эти калмыки смотрят и пасут племенной заводский скот, приобретенный на ногайские деньги для улучшения местной ногайской породы. Местные лошади действительно слабосильны и тощи.

Отправились дальше.

В широко раскинувшейся ставке каменные, казенные здания канцелярии, квартиры пристава, и т. д. Сад по речке Горькой с соленой водой представляет довольно печальную картину: жалкия яблони, худосочный ясень и клен плохо растут на солонцеватой почве.

Походили, погуляли – интересного мало. – Было около девяти часов, когда мы решили побеспокоить особу пристава кочевых народов. Подходя к его квартире, мы услышали зычный голос человека, власть имеющего и кого-то распекающего. Что-ж? Это в порядке вещей: где гнев – там и милость! Подошли. Пристав и его семейство на террасе кушали чай. Я отрекомендовался русским журналистом, подав ему свою карточку.

– Что же вам угодно? – спросил меня довольно строго пристав кочевых народов.

– Хотел бы побеседовать с вами, получить кое-какие сведения...

– А вы «бумагу» имеете?

– Какую «бумагу»?! У меня есть редакционные удостоверения, по которым вы изволите увидеть, что я имею честь принадлежать к сословию русских журналистов.

Я показал ему это удостоверение.

– Это для меня ничего не значит, – продолжал пристав, просматривая карточки... Даже на немецком языке, – прибавил он, усмехаясь...

– Извините, на французском, – поправил я чиновника.

– Казенного удостоверения нет?..

У меня мелькнула мысль.

– Я вам могу показать бумагу бывшего министра земледелия А. Е. Ермолова на производство расследования крестьянского хозяйства черноморской губернии в прошлом году...

– Это не подойдет... покажите мне от настоящего министра и на нынешний год – тогда я с вами буду разговаривать.

Что тут делать? Мы стояли друг перед другом. Вежливый пристав не предложил даже мне сесть. Впрочем, может быть, у кочевых народов это не принято... Но нет, и я вспомнил добродушную, милую фигуру «брата», старшины аула Биаш.

– Позвольте, – настаивал я, – никакими канцелярскими тайнами я не интересуюсь, мне бы хотелось знать ваше мнение о способности к культуре кочевых народов, о их современном экономическом положении, характере народа. Русское общество вообще интересуется своей родиной, а у вас, вероятно, не было ни одного литератора...

– В первый раз действительно вижу.

Оставалось только уйти, что я и сделал немедленно и быстро.

– Поедем сейчас отсюда! – сказал я баптисту, который от злости и недоумения даже не мог говорить. Действительно, он был свидетелем, как предупредительно и вежливо меня принимала ставропольская администрация, исправники и проч., а тут, изволите видеть!.. и говорить не хочет...

– Да, ведь, он дикий, – утешил я спутника, и мы порешили выехать из Ачикулака.

Потом пришлось прибегнуть к памятной книге Ставропольской губернии за 1904 г. Скучна, очень скучна сведениями (всякими) эта книга, торжественно заявляющая, что ставропольская губерния не исследована и не изучена. Печальная книга!.. Немой, но определенный упрек администрации в полной её неосведомленности, что делается под носом, и чем собственно она управляет и чем хозяйствует!..

Площадь губернии содержит 47 716 квадратных верст или 4 970 426 десятин, причем оседлое русское население занимает 3 678 624, т. е. 74 % пространства и 1 291 802 десят., или 26 % всей площади приходится на инородческое население. Это инородческое население состоит из Большедербетовского улуса калмыков, занимающих территорию пограничную с землей войска донских казаков. Всего калмыков 8 571, других народностей (каких? не объяснено) 3 185, итого 11 574 человек. Оседлых тухмен, живущих в аулах, 11 360, а кочующих и пришлого (какого?) населения 6 546, а всего, что значится под графой тухменских народов, 17 886. Земли кочующих карангайцев протянулись к Каспийскому морю и занимают самую большую площадь среди кочевых народов. Оседлого в аулах населения 6 840, а кочующего и постороннего населения 10 243.

Таким образом, по памятной книге ставропольской губернии мы не можем утвердительно сказать: сколько именно ко-

чевого инородческого населения в данное время находится в губернии, и что такое за элемент, значащийся вместе с кочевниками под именем: а) других народностей, б) пришлого населения и с) постороннего? Одним словом, горе-статистика!

Теперь будем продолжать путь и в то время, когда мы уже знойной степью двигаемся к Накус-аулу, я расскажу маленький эпизод.

Живу я на черноморском побережье, где рыбной ловлей занимаются до сих пор малоазиатские турки, приходящие на побережье на фелюгах и со своими рыболовными принадлежностями. Эти турки – настоящие моряки, превосходные рыбаки и очень хорошие прямые и честные люди. Среди них у меня есть знакомые, которые посещают меня, как гости. Я люблю беседовать с этими простыми мужественными рыбаками. Между нами часто речь заходила о вопросах религиозных, и я говорил: «у нас Бог один, но пророки разные. Неужели Бог создал нас, русских и турок для горя и страдания, для войны и разных бедствий?! Разве мы, христиане и мусульмане, не можем, мирно работая, трудами помогать друг другу?!» Такие и другие рассуждения, мы вели с турками, и те не возражали, а, как мне казалось, молча соглашались со мной.

В самый день моего отъезда в ставропольскую губернию пришел ко мне один из них более развитой и авторитетный.

– Куда едешь? – спросил он.

Я ответил.

– Зачем?

– Посмотреть, как живут там люди, русские, сектанты, магометане...

– А разве наши там есть?

– Да, трухмены, караногайцы.

Мой турок полез в карман и, вынув небольшую в довольно изящном переплете брошюру на турецком языке, подал ее мне со словами: «отдай тем, куда едешь – большой почет будет!» Я спросил, что в книжке напечатано?

– Все то, что ты говорил, все в книжке есть, и Христос, и Магомет!

Наш путь теперь был в колонию немцев-менонитов, но дороги мы хорошо не знали, да, впрочем, её и не было, – мы надеялись на указания. Когда подъезжали к Нокус-аулу, я решил отдать книгу, полученную от турка.

Остановились среди селения и попросили позвать муллу, который охотно и спешно подошел к экипажу. Поздоровались. Подали ему книгу; я спросил, что за книга? Мулла стал читать вслух, человек десять ногайцев внимательно следили за чтением.

– Твоя книжка, – сказал мулла, – Христос там...

– Ну, давай обратно, если моя...

– Постой, постой! – и он стал опять читать. Оживление среди слушавших увеличивалось, подходили еще поселяне.

– Наша книга, – продолжал чтец, – Магомет, пророк

наш... Где взял такая книга?..

– Приятели турки дали.

– Где ты живешь?.. Отдай нам книга... Тебе зачем?..
Это наша книга... Иди, иди, отдыхай!.. наш гость будешь...

Я, конечно, подарил мулле книгу, и он попросил записать свою фамилию и адрес, говоря, что они приедут ко мне в гости. Любезности и угощения не было пределов: добродушные караногайцы ничем не напоминали своего пристава, про которого я от них узнал не мало интересного; между прочим, они жаловались, что бедным не дают для случки казенных бугаев и жеребцов.

На что бедному?.. – может и на плохих лошадях ездить и держать слабую скотину. Но мы спешили и, прощаясь, просили указать дорогу. Наши новые знакомцы были так приветливы, что дали нам проводника, который проводил нас до «двух борозд». Так называется степная тропа. Мы ехали хлебными полями; было жарко, знойно, хотелось пить, но до колодцев было далеко.

Томительно однообразная дорога, ни жилища, ни постройки, ни деревца – степь да степь, куда ни взглянешь – один горизонт!..

Я думал: пройдут года, исчезнут трухменские и караногайские народы, и когда-то вольные, кочевые степи, станут культурными, если... если займут их сектанты. Вырождение, как я узнал после, идет довольно быстрыми шагами и в ббльшей прогрессии среди трухмен, нежели караногай-

цев.

Утомились лошади, но все-таки бегут рысью. Какая дивная порода черкесская!..

Скучно и томительно!

Но вот что-то показалось близ самой дороги, – шалаш не шалаш, хата не хата. Когда подъехали ближе, то увидели с верхом большую повозку, около которой паслись кони, а в тени её сидели загорелые, сильные люди и что-то хлебали из деревянной чашки.

– Здравствуйте! Что кушаете? – спросил я.

– Кирпичный чай, – отвечали крестьяне, – милости просим.

Я с наслаждением пил посредством деревянной ложки горячий, оригинальный напиток и понял его степное значение, в особенности там, где воду *au naturel* пить невозможно.

– Когда же ты нам свою землю отдашь? – спросили меня хозяева чая.

– Какая же у меня земля, – всего 800 квадратов.

– Ну, этого мало. А кто же ты будешь и зачем сюда заехал? Купец, что-ли?

– Я писатель... книги сочиняю, понимаете?..

– И об нас пишешь?

– Пишу.

– Ты сам откуда же?

– Из Петербурга.

– Вон откуда!.. Ну, брат, похлопочи об нас, о мужиках там,

замолви слово большим чиновникам. Пусть помогут нашему брату. Тогда в Петербурге самый лучший и дешевый хлеб будет!..

Я усмехнулся на такую наивную просьбу.

– Да ты не смейся, правду говорим. Трудно стадо!.. Драли две шкуры, а теперь третью дерут... мужику и то не вынести! Похлопочи, брат, а то сами придем в Петербург!..

– Откуда же вы едете?

– К Каспию сено косить ездили, а сено-то все погорело... вот назад и тянем...

– А сами ставропольские?..

– Тутошние, давно живем и земли ждем...

В этот день это была последняя встреча в пути. Проехали еще верст тридцать и уже вечером были в колониях немцев – Ольгине и Романовке.

VI

Немцы-колонисты и баптисты-собственники.

Мы остановились у старшины А. А. Шмидта, который принял нас вежливо и, как свойственно немцу – выдержанно.

– Я – журналист и приехал сюда познакомиться с вашим хозяйством. Могу рассчитывать на вашу любезность?

– О, мы покажем всю нашу культуру.

– Давно живете здесь?

– Вот уже десять лет, как мы начали работать в степях.

– И довольны результатами?..

Старшина усмехнулся довольной улыбкой.

– Признаться, мы не ожидали, что так пойдет, главное – виноделие...

– Много вас колонистов?

– В Ольгине тридцать дворов, в Романовке сорок-пять; последний хутор в двух верстах, сейчас же за лесом.

Начну с общего впечатления, которое производит колония Ольгино. Впечатление особенное, совершенно не степного характера. В самом деле, после аулов, хуторов, степных, однообразных русских селений, немецкие колонии поражают богатством зелени: просторные, чистые дома – утопают среди фруктовых деревьев, окружающих уютные жилища, около которых разделаны пестрые цветники. Широкая ули-

ца, нечто вроде тротуара, прекрасные огороды, сквозь которые с улицы можно любоваться садами...

Да, хорошо у немцев! Сразу видишь и чувствуешь, что умелая рука производила здесь обдуманную, строгую работу. Ничего «на авось» – все рассчитано, введено в систему.

Колодцы здесь такие же глубокие, как у баптистов, – до 40 сажен.

Колонисты-менониты в 1895 году наделены землей в постоянное бессрочное подворное пользование в размере по шестидесяти десятин на семью или двор.

В условие такого пользования, им поставлены следующие обязательства, которые немцами уже выполнены точно в десятилетний срок, а именно: заложить по две десятины на каждый двор виноградников, посадить фруктовых садов по одной десятине и наконец развести по две десятины смешанным лесом дуб, клен, ясень и проч.

Вся эта культура исполнена и притом блестящим образом. Я уже упоминал, что десятина фруктового сада расположена около каждого дома члена колонии. Сзади усадебных мест идут виноградники, а затем хлебные поля. Все правильно, ровно, удобно, потому что близко. Мы подробно осматривали сначала виноградники.

Стройно, аккуратно, как солдаты во фронте, растут кусты под тщательным уходом опытных немцев.

– Какие сорта винограда культивируете?

– Коберне, пино и рисшаг...

– В среднем, какой урожай?

– Приблизительно четыреста ведер с десятины.

– И хорошее вино?

– А вот попробуйте.

Вино, особенно коберне, превосходное, несколько оригинальное по букету и вкусу, но густое и крепкое вино. Такие натуральные и прекрасные вина немцы продают по три рубля ведро, что очень дешево. Я никак не ожидал встретить в степи такого выдержанного, приятного коберне.

Осмотрели хлебные поля. Урожай пшеницы просто изумительный.

– Землю не навозите?

– Нет, только двоим. – Старшина усмехнулся и продолжал: – Русские про нас говорят, что мы с чертом в дружбе состоим, и что он у нас в земле сидит! Пусть думают!.. Хорошая, неспешная обработка пашни есть уже залог урожая. А ведь хороши хлеба?

Действительно, мы стояли перед плотной, густой стеной пшеницы, и мне казалось, что сделай шаг, два, и на третьем, пожалуй, остановишься среди сильной густоты стеблей с пышными, тяжелыми колосьями.

Огороды у колонистов прекрасны. Коровы и лошади содержатся, как в отношении помещения, так и кормов, совершенно правильно. Коровы молочные, лошади сильные. Во дворах много имеется птицы.

В колонии Ольгине помещаются волостное правление

и двухклассное училище министерства народного просвещения, а также общественная лавка, мельница и проч. Сельскохозяйственное товарищество «Фром» в с. Ольгином содействует местным сельским хозяевам в приобретении необходимых предметов, а также принимает участие в выгодном сбыте произведений их хозяйств, как в сыром, так и обработанном виде. Кроме того, товарищество выдает ссуды под обеспечение товарами, принятыми на комиссию для продажи от местных хозяев, а также получает ссуды под те же товары за счет и по поручению товаровладельцев из разного рода кредитных учреждений и исполняет разного рода поручения «сельских хозяев, относящиеся до их промысла».

Чего только нет в лавке и складах товарищества: земледельческие машины, мануфактура и проч. – одним словом, все нужное для обихода, хозяйства и жизни, все найдет покупатель в Ольгине – и в город ездить не надо!

И учатся, но, к сожалению, не православные, а сектанты!

Старшина А. А. Шмидт познакомил меня с многими членами колонии, из которых трое – с высшим образованием.

– По русским законам, – заметил старшина, – лица с высшим образованием должны покидать податное сословие и выходить из общества. Но мы и они этого не желаем. В самом деле они и учились для общества и его пользы, – и вдруг, пожалуйста вон!..

Верный, правильный взгляд, до которого, когда мы дожи-

вем, русские!

В этом же дворе, где помещаются склады товарищества, находятся и подвалы, где хранится вино. Мы провели остаток дня за большим столом, за стаканами вина в дружеской беседе. Немцы – люди осведомленные по русской литературе, они выписывают серьезные, из Петербурга, газеты и журналы. Было очень приятно провести время в такой компании образованных, но простых сельских тружеников.

– Вот вы, менониты, – спрашивал я, – люди – против войны, оружия, а как же относительно воинской повинности?

– Мы отбываем работой... Нас берут в казенные сады, занимаемся при винодельнях, отработываем свой срок...

– В общем, ваше положение недурно и даже совсем хорошо... Как к вам относятся русские крестьяне?

– Те, которые знают нас, имеют дела, те относятся хорошо и дружелюбно, но другие, дальние, недоверчивы!.. Мы все-таки немцы!.. неправославные!..

Но спасибо таким немцам, которые на опыте, как дважды два – четыре, показали, на что способна степная ставропольская губерния и какие сельскохозяйственные культуры производить может. Ольгино и Романовку смело можно назвать образцовыми хозяйствами.

– Русские над нами смеялись, когда мы выкладывали виноградники на возвышенности, а теперь не смеются, – заметил старшина, – стали внимательно присматриваться... Мы никому не отказывали в помощи и добром совете... Ми-

лости просим!..

После обильного и сытного ужина мы, несмотря на просьбы погостить еще, решились направиться за 14 верст, в сел. Никольское, где живут собственники-баптисты.

Перед отъездом колонисты не советовали ехать, как я думал, на Прохладную станцию Владикавказской железной дороги, где, близ станции у реки Терек, грабят горцы, ингуши.

– От разбоев там житья нет... – говорили немцы. – Землевладельцы бросают земли и уходят, – нет возможности не только хозяйствовать, но жить... Наши, немцы... еще держатся, но как!? Ужасно!.. В нашей колонии на Тереке, Наденбург, каждую ночь 20 человек колонистов вооруженных стерегут жилища и людей, да еще 25 казаков с офицером... Вот какое житье по Кавказу!..

После я узнал, что по Тереку действительно грабят и совершенно свободно разбойничают.

Мне называли фамилии богатых крестьян, ограбленных около Прохладной ингушами.

Эти ингуши, вообще разбойники по характеру и привычкам, не только грабят, но и издеваются над своими жертвами. Остановят, оберут деньги, вещи, которые понравятся, и затем, взяв в руки нагайки, заставляют плясать. Несчастный, в страхе, танцует, а довольные грабители подстегивают плетью невольного танцора...

И нет управы!.. Отчего кавказских разбойников, разных ингушей, лезгин, не переселить мелкими партиями хотя бы

на Уральские горы?! Там бы они не были страшны, а на их прекрасные, плодородные места посадить уральских казаков или крестьян. По-моему, это единственный исход борьбы с разбойными племенами Кавказа, с людьми, которые не хотят жить трудом!..

* * *

Селение Никольское состоит из 130 дворов баптистов. Земля – купленная у частного владельца, землевладение общественное, выпас общий, покос – тоже, запахивают землю с плуга, причем тот имеет право на большую запашку, кто при покупке внес больше денег.

Хлеба у них прекрасные; как и немцы, баптисты ввели у себя черный пар, т.-е. двоение.

Несомненно образцовое хозяйство немцев имело сильное влияние на организацию сельскохозяйственного дела в селе Никольском, где замечается стремление к высшим культурам. Заведены, по-немецки, виноградники и фруктовые насаждения.

Волов в работах баптисты не употребляют, пользуясь лошадьми, которые не хуже немецких, как и коровы.

Лошадей в каждом дворе по две пары, преимущественно породы черкесской; коров, в среднем, по четыре на двор.

Хорошо живут баптисты, дружно и зажиточно. Молочных продуктов обилие, хлеб свой от посева до посева, много пти-

цы, в жилищах чистота, аккуратность и стремление к некоторому комфорту. Все грамотны, выписывают газеты.

Я провел целый день в Никольском, и не могу до сих пор забыть тот привет и ту любезность, которую мне оказывали эти простые, искренние люди; фальши не было никакой – все откровенно и именно по-христиански.

Никольское стоит при речке Горькой и озере того же названия. Вода не пригодна для употребления. В настоящее время копают артезианский колодезь, и работа подходит к концу.

Между прочим, я слышался от баптистов о целительных свойствах Горького озера.

Говорят, что имеющие разные кожные заболевания, сыпи и проч., после двух, трех раз купанья выздоравливают совершенно. Озеро стало поэтому популярным, и много простого народа приезжают сюда лечиться. Я взял с собою бутылку воды из озера, и в Кисловодске отдал в лабораторию для анализа, сообщив подробно место нахождения озера.

Я купался в этом озере, дно которого состоит из ила, вода на вкус горькая и довольно неприятная.

Когда мы шли от озера, то встретили православного священника, и на мой вопрос, какого он прихода, мне отвечали, что священник здешний, сел. Никольского.

Оказалось, что этот священник, купивший у одного из баптистов небольшой кусок земли около самого селения, устроил сначала церковно-приходскую школу, а затем –

и церковь. Это – в сплошном селении баптистов. И что же? В училище никто не учится, в церковь не ходят.

Разве не рациональнее было бы затратить деньги более производительно, а именно: построить и школу, и церковь в православном селении или ближайшем окружном хуторе!

Теперь я остановлюсь на отбывании воинской повинности в ставропольской губернии, где, как мы видели, население разнообразное, как по племенному различию, так и по вероисповеданию.

Мы знаем, как отбывают воинскую повинность менониты. Кочующие народы, – ногайцы, трухмены и калмыки – тоже освобождены от этой натуральной повинности, или платят за воинскую повинность от каждой кибитки, и от головы скота также уплачивают государству.

Относительно «рекрутчины» у православных, нам известно. Но вот, что касается баптистов, – дело состоит в исключительном положении. У баптистов в настоящее время почти все взрослые сыновья находятся на войне или отбывают повинность натурой внутри России. Берут каждого взрослого сектанта на глаз, по неимению метрик и других бумаг, которые признавались администрацией.

Я обратил внимание на некоторые факты. В с. Никольском, у вдовы Великохарькова молодой сын-мальчик находится при ней, а двое взрослых сыновей служат. Положение её, старой женщины, трудное.

– Как подрастет, возьмут и меньшего, – уверенно говорит

женщина.

У Сологуба двое сыновей служат, а третий сидит в тюрьме за просрочку, которую он сделал, при призыве на службу.

На «Буйволе» у Ивана Гаврилова четыре сына, из которых один отслужил свой срок, два другие служат в настоящее время, а четвертый еще малолетний.

Одним словом, у баптистов, по-видимому, воинскую повинность отбывают все дети мужского пола, что отзывается на экономическом состоянии семейств сектантов довольно печально, если к тому же прибавить их невыносимое положение в земельном и общественном отношении. Это – волю, с которых дерут не менее полдюжины шкур, волю терпеливые, как само терпение.

Да, терпением Бог не обидел русских людей. «Терпи казак, атаманом будешь», говорит одна пословица, а другая остроумно прибавляет: «улита едет, но когда-то будет»...

Недалеко от Никольского находятся казенные добрые участки земель, сдающихся в аренду и притом на шесть лет. Тут же неподалеку, в Соломенском, в ожидании земли уже 12 лет живут 370 семей русских мужиков, которые, мне кажется, имеют некоторые права хотя бы на аренду?!

Но ничего подобного не кажется и не думается гг. чиновникам министерства земледелия, которые 20 000 десятин, по участкам в 1 000 десятин каждый, сдали богатому кулаку Б., который и блаженствует на глазах у безземельных, чью землю заполнить кормилицу, уже 12, а то и более лет!..

Это между прочим, но вообще едва-ли другая губерния нуждается в земельной и земской организации больше, нежели богатая ставропольская. И своеобразная красота и сила земли, и даль, и ширь – все чем богаты и крепки черноземные степи, все дала природа!

Когда мы возвращались через Воронцовку на ст. Незлобную был вечер, и великан Эльборус выступал в своем серебряном панцире над разнообразными облаками, которые неслись к нам в степи, меняя свои причудливые фигуры. Вот медведь в движении, вот рельефная фигура молящегося человека, направо еще и еще облака, среди которых, как живая, гигантская фигура женщины с простертыми к Шаич-горе руками и с распущенной косой. Опять образы, еще и еще, новые, меняющиеся... А степи?... Простор и воля! богатство, привольное, удивительное!..

* * *

Я кончил мои беглые заметки и буду доволен, если заинтересовал немного читателя нашей далекой степной окраиной северного Кавказа. Официальных сведений о крае нет, нет исследований, и это не предвидится, по-видимому, в близком будущем. В «Памятной книге» мы читаем: в «климатическом отношении ставропольская губерния представляется совершенно неизученной. Далее, переходя к характеристике производительности и разнообразию почв губер-

нии, необходимо оговориться, что за отсутствием специальных исследований в указанном направлении»... и т. д.

Величина душевых наделов государственных крестьян в среднем 7–8 дес. на мужскую душу, наделы же бывших помещичьих от 2 до 5 дес. на душу. Скотоводство, среди коренного крестьянского населения выражается 55 %, а у иногородных составляет 3 %, частным владельцам принадлежит 25 %, арендаторам на землях кочующих народов 9 %, иногородцам 7 % и городским жителям 1 %.

Овцеводством занимаются молокане, которые известны в ставропольской губернии под именем тавричан. Они привели с собой мериносовых овец. Занимаются они также разведением красного калмыцкого скота. Живут тавричане хуторами, народ они довольно коммерческий, ничего общего с баптистами не имеющий.

Цифры, довольно почтенные, свидетельствуют о высоком производстве зерновых продуктов, а главное – пшеницы.

Что касается виноградарства, то в рациональном отношении оно делает первые шаги. Общая площадь виноградников – 3 200 дес., причем на прасковьевский уезд приходится 2 800 десятин, но мы, уже говорили, какое вино «прасковьевское»!.. Невозможное состояние дорог по степи, недостаток подвижного состава Владикавказской дороги – все это вредно отражается на реализации урожая.

Из всего, сказанного нами, необходимость организации земских учреждений в этой местности ясна совершенно,

и земство при самом своем возникновении, надеемся, прибегнет к точному и систематическому исследованию этой степной губернии, которое местному самоуправлению даст живые, фактические данные, могущие служить стимулом экономического управления губернией с тем, чтобы поставить хозяйство так, как требуют этого местные обстоятельства и земледельческая культура.